

Ночь. Зал Земных Уз.

Шуй Угоу подготовил черный облегающий костюм и две повязки на голову, закутавшись так плотно, что даже родная мать его бы не узнала!

Закончив приготовления, он выбрал удобную маленькую лопатку и корзинку, радостно предвкушая ночную вылазку за Плодами Земных Уз.

Час Крысы.

Шуй Угоу на цыпочках прокрался через галерею Зала Земных Уз и вошел в сад, засаженный Плодами Земных Уз. Когда он добрался до места, на беду, тучи закрыли луну, и в темном саду не было ни лучика света.

— Эх, вот досада, — проворчал Шуй Угоу и тут же наколдовал фонарь, чтобы осветить путь.

Не успел он сделать и шага, как раздался лай: — Гав-гав! Гав-гав!

— И зачем этот старик завел собаку! Кому сдались твои Плоды Земных Уз! — Шуй Угоу поспешно бросил фонарь и, сверкая пятками, бросился к стене, перемахнув через нее.

— Кто там? — Бессмертный владыка Чэньюань, разбуженный лаем, вышел в галерею в свободном халате. Как раз в этот момент огонек фонаря погас, и снова воцарилась тьма.

Собака замолчала, и Бессмертный владыка Чэньюань, решив, что всё утихло, потянулся, зевнул и вернулся спать.

А в это время у подножия стены Шуй Угоу снова тихонько вскарабкался наверх. Но собака не ушла — она улеглась прямо на месте и заснула!

— Проклятая псина! — не сдержался Шуй Угоу.

В то же время он изо всех сил пытался разглядеть Плоды Земных Уз. Они росли густыми зарослями, словно лианы на арбузной бахче. Он никогда раньше не приходил сюда смотреть на свои плоды и теперь понятия не имел, где они находятся.

— Похоже, сегодня ничего не выйдет, — вздохнул Шуй Угоу. Он решил вернуться, а завтра вывести местоположение плодов и действовать дальше.

Дворец Тяньфу.

Шуй Угоу вернулся ни с чем, но, ступив во двор Дворца Тяньфу, вздрогнул от неожиданности: там сидела Линь Сюэцзи.

— А! — Шуй Угоу отпрянул. В этот момент из-за туч выглянула луна, и ее мертвенно-бледный свет сделал белое одеяние Линь Сюэцзи пугающим.

— Ты среди ночи не спишь, бессмертие обретаешь? — Шуй Угоу похлопал себя по груди, роняя лопатку и корзинку.

Линь Сюэцзи, услышав знакомый голос, спокойно посмотрела в ту сторону. Черный силуэт на земле, у которого из одежды торчали только глаза — кто это мог быть, если не Шуй Угоу?

— О, гляди-ка, не спится не только мне, но еще и какому-то вору! — Линь Сюэцзи презрительно взглянула на него и продолжила пить чай.

Только услышав это, Шуй Угоу осознал, что все еще в ночном облачении. Он поднялся, отряхнул пыль и, не говоря ни слова, с корзинкой и лопаткой направился прямо в главный зал.

Проходя мимо Линь Сюэцзи, он не удержался и спросил:

— Не спишь по ночам, Дуншэнь тебя совсем не сопровождает?

Линь Сюэцзи замерла, а затем из ее объятий показалась белоснежная голова, и пара лисьих глаз уставилась на него.

— ... — Шуй Угоу не нашелся что ответить, хмыкнул и зашагал в главный зал.

Линь Сюэцзи опустила взгляд на Зеленую лису, погладила ее по голове и снова приложилась к чаше.

В главном зале Шуй Угоу, переодевшись, тоже не смог уснуть, поэтому снова поднялся и, свернув, направился на задний двор.

Линь Сюэцзи обернулась и, глядя на занятого своими делами Шуй Угоу, тихо позвала:

— Ты на задний двор собрался?

Шуй Угоу замер, а затем обернулся с предупреждающим видом:

— Ты уже была на заднем дворе?

Линь Сюэцзи проигнорировала его тон. Возможно, она была слегка пьяна, поэтому ответила безразлично:

— Я весь Дворец Тяньфу облазила. Что, на заднем дворе спрятан секрет, куда нельзя заходить?

Лицо Шуй Угоу менялось одно за другим. В душе кипели ярость и беспокойство: ударить он ее не мог, ругаться не смел — оставалось только терпеть!

Шуй Угоу холодно фыркнул, развернулся, вошел в зал, взял лопатку и цветочный горшок и отправился на задний двор.

Линь Сюэцзи стало любопытно, и она поднялась следом, а Янь Дуншэнь в облике Зеленой лисы устроился у нее на плече.

Как только Шуй Угоу оказался на заднем дворе, он начал бережно выкапывать тот самый Плод Земных Уз. Линь Сюэцзи присела рядом, дыша перегаром, и спросила:

— Зачем ты копаешь траву? Она же уродливая.

— Проваливай! — не раздумывая, выпалил Шуй Угоу, подняв на нее ледяной взгляд.

Линь Сюэцзи впервые видела, чтобы он так разозлился. Ей стало интересно — за день она и так накопила немало гнева, и теперь был отличный повод его выплеснуть. Она протянула руку, сжала Плод Земных Уз и с легкой улыбкой произнесла:

— Скажешь еще хоть слово — и я вырву эту траву с корнем!

На этот раз Шуй Угоу действительно почувствовал угрозу. Его лицо стало бесстрастным, он молчал, но в воздухе начала сгущаться аура убийства.

Линь Сюэцзи и Янь Дуншэнь почувствовали это. Янь Дуншэнь, боясь, что Линь Сюэцзи снова ранит Шуй Угоу, поспешил вмешаться:

— Сюэцзи, отпусти эту траву, это сокровище Угоу.

— О? Правда? Тогда я буду держать ее крепко, просто так не отпущу! — Линь Сюэцзи рассмеялась, ее полупьяный взгляд изучал Шуй Угоу с пренебрежением. — Ты думаешь, что сильнее меня? Обидишь меня — и сладкой жизни тебе не видать!

— Терпение мое лопнуло! — Шуй Угоу готов был вlepить ей пощечину.

Линь Сюэцзи холодно усмехнулась, одарив его высокомерным взглядом, и в то же время еще сильнее сжала Плод Земных Уз.

Шуй Угоу замер, а затем, улыбнувшись, поднялся, отступил на два шага, опустился на колени и поклонился, глядя на Линь Сюэцзи с натянутой улыбкой:

— Маленький человек не узнал великого мастера. Прошу, будьте великодушны, не держите зла на ничтожество, отпустите меня в этот раз!

Лицо Линь Сюэцзи мгновенно побледнело. Что это за фокусы? В тусклом лунном свете лицо Шуй Угоу, полное скорби, исказилось в унижительной и злобной ухмылке. Этот полный обиды взгляд заставил Линь Сюэцзи содрогнуться — хмель как рукой сняло.

Янь Дуншэнь принял человеческий облик и поспешил поддержать Шуй Угоу.

Шуй Угоу отшвырнул протянутую руку и с предупреждающим тоном продолжил:

— Вы оба обладаете великой силой. Я не хотел вас злить, лишь желаю прожить остаток жизни в покое. Прошу, будьте милосердны, забудьте обо мне, чтобы не множить хлопоты.

Линь Сюэцзи была в ярости, но сама не понимала, почему. Куда делся тот Шуй Угоу, которого она встретила впервые — с его дерзостью, наглостью, долей коварства, статный и властный?

Пальцы Линь Сюэцзи, сжимавшие Плод Земных Уз, задрожали. Сердце неприятно заныло, и она не выдержала:

— Зачем ты встал передо мной на колени? Ради этой травы?

Видя, что Линь Сюэцзи снова сжала руку, Шуй Угоу принялся неистово кланяться, громко взывая о пощаде:

— Эта трава — память о старом друге! Для вас она — пустяк, но для меня важнее собственной жизни! Прошу, будьте милосердны! Отпустите ее!

За те несколько мгновений, что он говорил, его лоб покрылся грязью. Он поклонился пятнадцать раз подряд, выглядя совершенно жалко.

Линь Сюэцзи разжала пальцы, в ее глазах читалась пустота. В тот же миг Шуй Угоу бросился вперед, обхватил Плод Земных Уз и прижал к груди, пряча под собой.

Линь Сюэцзи была совсем рядом. В ее холодных глазах сквозило презрение, и до ушей Шуй

Угоу донеслись ледяные слова:

— Шуй Угоу, ты просто ничтожество!

Эти слова тяжело ударили его в самое сердце. Он горько усмехнулся, но не стал оправдываться, лишь ответил с тоскливой улыбкой:

— Да, вы правы.

— Довольно! Я предпочла бы, чтобы ты был тем Шуй Угоу, который весь день со мной спорил, а не этим раболепным ничтожеством! — Линь Сюэцзи наконец взорвалась, ее крик потряс округу.

В глазах Шуй Угоу читалась ненависть. Если бы Линь Сюэцзи не цеплялась к нему, разве стал бы он притворяться этим жалким рабом? Он невольно усмехнулся: пусть Линь Сюэцзи презирает его таким! Теперь между ними точно ничего не будет!

Подумав об этом, Шуй Угоу облегченно улыбнулся. Линь Сюэцзи, заметив эту улыбку, лишь еще больше разочаровалась.

— Бесполезный человек! — бросила она с досадой и ушла.

Янь Дуншэнь хотел утешить Шуй Угоу, но тот отрезал:

— Ты тоже не уходишь? Мне что, и тебе поклониться?

Янь Дуншэнь смотрел на это униженное выражение лица, и в груди словно вонзились иглы. Таким Шуй Угоу он себе и представить не мог.

Янь Дуншэнь с болью отвернулся и тихо спросил:

— Шуй Угоу, разве ты не говорил, что высшее благо подобно воде, чистой и незапятнанной?

Шуй Угоу понял, что тот намекает на то, что он не достоин своего имени, и снова одарил его холодной усмешкой:

— Просто пустые слова, зачем принимать их всерьез?

Сердце Янь Дуншэня сжалось еще сильнее от того, как холодно прозвучало это обращение на вы.

— Больше не называй меня так, уши режет, — с явным отвращением сказал Янь Дуншэнь.

Шуй Угоу лишь усмехнулся про себя и повторил:

— Слушаюсь, господин.

— Шуй Угоу! — Янь Дуншэнь пришел в ярость и сверкнул глазами.

— Поздно уже, господин, возвращайтесь, — Шуй Угоу стал еще больше походить на слугу, склонив голову еще ниже, чем нанес удар прямо в сердце Янь Дуншэню.

Янь Дуншэнь бросил на него холодный взгляд и ушел.

Подул ветер, взметнув темно-красные одежды Шуй Угоу. Его брови были нахмурены, и лишь спустя долгое время он пришел в себя. Увидев, что остался один, он снова принялся выкапывать Плод Земных Уз.

Копая, он чувствовал себя подавленным. Впервые ему было так тошно, но он сам к этому пришел. Он решил, что лицо — это пустяк, главное, чтобы они возненавидели его и ушли прочь.

— Ха, вода может как нести лодку, так и опрокинуть ее. Что ты понимаешь? — пробормотал Шуй Угоу, снова погружаясь в работу.

Когда Плод Земных Уз был пересажен в горшок, Шуй Угоу обнял холодную емкость, поднял голову к тусклому лунному свету, вздохнул и слабо улыбнулся:

— Прости за неудобства, Цзяньцзя.

Шуй Угоу решил держать Плод Земных Уз у себя в спальне! Линь Сюэцзи уж точно не ворвется в опочивальню, чтобы навредить ему!

— Эх, правда, в комнате маловато солнца, — Шуй Угоу не любил свет, поэтому в спальне было мрачно. — Ладно, сделаю окно, пусть проветривается.

Шуй Угоу радостно понес Плод Земных Уз в главный зал — случившееся ничуть не испортило ему настроения.

Тем временем Линь Сюэцзи, разгневанная, вышла из Дворца Тяньфу и бесцельно бродила по окрестностям. Янь Дуншэнь в облике лисы запрыгнул ей на плечо, не смея ее утешать.

Линь Сюэцзи вдруг почувствовала холод ночного ветра и поежилась. Янь Дуншэнь поспешно обернул свой хвост вокруг ее шеи.

Линь Сюэцзи невольно улыбнулась, вспомнив слова Шуй Угоу о том, что люди, с которыми мы разминулись на улице, могут быть теми, о ком кто-то тоскует, но не может встретиться.

А эта Зеленая лиса с самой первой их встречи не отлипала от нее — прошло уже целых сорок тысяч лет. Вспоминая это, она испытывала смешанные чувства.

Например, зимой мех этой лисы, обернутый вокруг шеи или прижатый к груди, всегда согревал; летом, в изнуряющую жару, лиса всегда находила ей освежающие плоды; а каждый раз, когда она попадала в беду, лиса первой бросалась ей на помощь.

Линь Сюэцзи вдруг сняла лису с шеи, высоко подняла, покачала ее и, глядя в радостные глаза зверька, тихо спросила:

— Дуншэнь, ты уверен, что я — та, кого ты ищешь?

В день их первой встречи Янь Дуншэнь радостно бросился к ней с криком: — Я наконец нашел тебя!

Это была их первая встреча. Линь Сюэцзи думала, что это красавица, а оказалось — красавец. И этот нежный человек всегда говорил ей одно: — Встреча с тобой словно возвращение к старому другу.

В глазах Янь Дуншэня промелькнула грусть, и он снова открыл пасть, повторив:

— Да.

Линь Сюэцзи сама не знала почему, но на душе стало прохладно. Как бы хорошо Янь Дуншэнь ни относился к ней, она не чувствовала трепета. Ей было любопытно, почему она не испытывает симпатии к этому заботливому Янь Дуншэню? Может, она что-то отвергает?

В этот момент на пустой Небесной улице, за стеной, раздались голоса двух мужчин. Один из них был до боли похож на Тань Юньина.

— М? Тань Юньин? — Линь Сюэцзи прижала Янь Дуншэня к себе и на цыпочках направилась к концу стены, желая проверить, не Тань Юньин ли это бродит тут посреди ночи.